

ИРИНА ГРАДОВА

ВОЛЬЕР

Ирина Градова

Вольтер

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

2019

Градова И.

Вольер / И. Градова — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого», 2019

ISBN 978-0-88-715405-8

Жила-была семья в хрущевке: мама, папа, трое детей и бабушка, и кто-то из них посреди ночи убил бабушку. Казалось бы, жизнь изменилась к лучшему, но это было только началом странных событий.

ISBN 978-0-88-715405-8

© Градова И., 2019
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 2019

Ирина Градова

ВОЛЬЕР

Семейство Смолиных вносило немалый вклад в страдания человечества главным образом из-за ненормальной неходячей бабушки, которую за глаза называли Злом. Ее настоящее имя почти забыли. Она олицетворяла собой такую свободу от любых проявлений разума и здравого смысла, что хоть в бронзе увековечивай. Она могла бы два года по пятнадцать часов в сутки записывать то, что ненавидит, а дальше у нее закончились бы известные слова. Она могла бы быть консультантом по вопросам безумия. На сей момент она выполняла чисто декоративные функции, лежа на чемоданах с палкой, противогазом и чужим пиджаком в охапку.

Служителем Зла была мать семейства, дочь Зла, которую звали Эльвира. Она отбыла пятьдесят пять лет срока жизни и напоминала большую печальную амебу. Ее муж, Аркадий Смолин, был невысоким остролицым человеком с татуировкой «Зина» на кисти руки.

Их дети – старшая Диана и близнецы Лида и Стас – представляли собой разные типы людей. Пятнадцатилетний Стас был сильным, как буйнопомешанный, на досуге занимался тем, что выпивал с друзьями, а также с периодическим успехом играл в карты. Он отличался умом. В том смысле, что ума было на редкость мало. Школьные знания он считал редкостной заразой и стремился всеми силами избавиться от них. Его сестры определенно пошли в отца: обе тонкогубые, остроносые, светловолосые. Старшая была довольно высокой, носила на шее легкий шарфик и собирала волосы в хвост, что придавало ей вид интеллигентный, а младшую, среднего роста, от глупого вида не спасали даже очки, и ходила она со светлыми прямыми патлами до плеч.

Близнецы учились в девятом классе, а Диана постигала профессию медсестры в медколледже неподалеку. Все вместе долгие годы нарушали санитарные и моральные нормы.

Семейство объединялось на почве взаимной ненависти, старательно взращиваемой Злом. В проявлениях злобы можно было выделить некоторые закономерности: когда все орут друг на друга – жизнь в норме, а когда замолкают – значит, дело серьезное. Итогом любого скандала становились драки: на кухне лежала даже специальная тряпка для вытирания крови, вся твердая от постоянного использования. Диана как-то посчитала, что лично она за год приняла участие в ста четырех драках дома. Она не учитывала вечные поколачивания костылем, которые устраивало Зло просто так. Если учитывать, то доступные разуму цифры скоро закончатся.

Последний нормальный день в трехкомнатном хрычовнике Смолиных начался и закончился как обычно. Подумаешь, кто-то сломал Священную Спичку. Делов-то.

Как и обычно, утро началось с того, что дежурный по квартире – а это был Стас – заорал: «Подъем!». Семейство Смолиных, включая неходячую бабушку, подскочило так, будто на минах подорвалось. Было бы неверно думать, что подскочило оно с кроватей. Зло спало на своих старых чемоданах, набитых хламом. Боясь, что их украдут, она предпочитала спать на них. С учетом того, что ходить она не могла уже несколько недель, охрана чемоданов была идеальной, жаль только, что все развонялось. Стас спал на сдвинутых вместе шести старых неработающих холодильниках, служащих теперь шкапами, Лида спала на раздвижном столе, а Диана – на двух лежащих рядом шкафах, в которых бабушка хранила целую коллекцию сапог, изготовленных ее отцом около сорока лет назад. Сапоги потихоньку разлагались все эти сорок лет и имели запах довольно неприятный, поэтому шкафы эти никто не открывал, благодаря этому Диана с чистой совестью не убирала одеяло и подушку с них. Дверная ручка всякий раз упиралась ей в поясницу, доставляя несущественный дискомфорт.

Родители троих детей, Эльвира и Аркадий, спали на продавленном диване, больше похожем на гамак, а сама бабушка – традиционно невдалеке от них, надев противогаз с хоботом и укрывшись кителем своего покойного мужа, умершего больше тридцати лет назад. Диван

был примечателен тем, что на них были зачаты два поколения Смолиных. Оба как на подбор несчастные.

Семейство подскочило с импровизированных кроватей и судорожно принялось одеваться. Стас соскочил с холодильников, с грохотом приземлившись на доску для ночного сверления, и побежал на кухню делать обязательные четыре бутерброда для каждого члена семьи. Эльвира утверждала, что плотный завтрак необходим для хорошего здоровья. Тот факт, что среди Смолиных утром никто не мог заставить себя проглотить более чем половинку бутерброда, в расчет не принимался. Из какой-то эмоции по отношению к Эльвире, возможно, из чего-то вроде уважения, семейство дружно давилось сухими бутербродами и запивало их крутым кипятком. Для профилактики простудных заболеваний, ну и заодно из садизма. Чтобы как-то мотивировать семью на утреннюю пытку едой, было придумано состязание: все садились за стол, дежурный по квартире засекал время, и тот, кто первый управится со своей порцией, получал право не завтракать на следующее утро. Обычно состязание выигрывала Эльвира, которая испытывала меньше проблем с завтраком. Совершенно стандартными были драки детей, считающих свои порции несправедливо большими и видящими в этом козни дежурного по квартире. На этот случай на кухне лежала специальная тряпка для вытирания крови из разбитых носов. Хуже приходилось, если кто-нибудь сдирал с бабушки противогаз и пытался душить его хоботом дежурного. Тогда бабушка начинала верещать дурным голосом, что она умрет из-за того, что надышится ртутью от разбитого двенадцать лет назад градусника. Чтобы заглушить звонкий старушечий голос, Аркадий включал электрическую дрель.

Сразу после Первой Утренней Войны дети уходили на учебу. Чуть позже Эльвира уезжала на Комаровский завод оптики, а Аркадий – на другой завод, где трудился бухгалтером. Бабушка оставалась лежать на чемоданах и в противогазе. Вне дома все они вели себя прилично, зная, что с ними не все гладко. Необходимость скрывать большую часть жизни въелась в плоть и кровь, поэтому Смолины были кем-то вроде микробов за пределами дома. Исключение составляло разве что Зло в годы работы, но и она там сдерживалась. Прослыла чудовищем, конечно, но это она еще держала себя в руках.

В последний нормальный день, следуя распорядку, дети отбыли срок в школе от звонка до звонка. У Стаса не происходило ничего интересного. То ему морду набьют, то он кого-нибудь приложит лицом об стол. Его сестра училась в параллельном классе по просьбе родителей: близнецы не шибко ладили меж собой, и их сразу рассадили по разным классам, что было комфортно для всех. У Лидии одним из немногих жизненных утешений были разговоры с подругой.

Ее одноклассница и хорошая подруга Катя Горбатова выглядела совсем не так, как будто утюгом проглаженная Лидия. Катя могла бы быть привлекательной даже в костюме химзащиты и противогазе. Изящная фигура, темные волосы, почти черные непроницаемые глаза – все это делало ее первой красавицей едва ли не всей школы, но она относилась к знакам внимания снисходительно (конечно, если вообще их замечала). Она относилась к тому мизерному проценту женщин, от вида которых самолеты падают, машины останавливаются, а прохожие столбенеют и сворачивают себе шею, глядя им вслед. Но вот такая проблема, у нее тоже жизнь не задалась с самого рождения и последние пятнадцать лет была довольно паршивой. Перспективы были еще хуже.

Лидия плюхнулась за парту и протерла слегка запотевшие на октябрьском воздухе очки.

– Как дела дома? – вместо приветствия спросила Катя.

– За утро подрались всего один раз, Зло уверяет, что я ее бью, Дианка травит ртутью, а Стас спер фуражку деда.

– Правда спер?

– Нет, конечно. Мы даже ей показали ту фуражку – не верит, говорит, подменили. Что интересно, родители больше поверят ей, так как она старше нас. А у тебя как?

– Отсмотрела паранойю братца. С двух кубов наркоты он просто кидается на всех с гантелей, а с трех – сносит дверь легким движением руки. Изыячно, я б сказала, просто закачаешься. До сих пор удивляюсь, почему он стал наркоманом, а не алкашом, как все родственники.

– Не все. Ты на их фоне...

– Урод в семье со своей непереносимостью алкоголя, – привычно закончила Катя. – А еще мы все уже трое суток смотрим сны про обрушения и землетрясения, потому что у соседей сверху ремонт. У них еще ремонтная бригада топочет. Звучит так, будто к бегемотам пришли носороги и устроили дискотеку.

– Подкинь им листик с угрозой навести порчу, если шум не прекратится.

– Уже. Не испугались. Надо им в почтовый ящик опарышей подкинуть.

– Жестоко.

– Или взять ртуть у твоего Стаса? – усмехнулась Катя.

– Лучше заberi нашу бабулю. Можно по кусочкам. Я помогу и приплачу.

– Давай придумаем, что еще можно с ними сделать. Что-то в рамках закона.

– Это сложнее, – вздохнула Лида. Затем кое-что пришло ей в голову: – Натрави брата, раз у него паранойя. Ему ж пофигу, кого бить.

– Он никого не слушает. Не в состоянии.

– Может, это с твоими словами что-то случилось, и они не доходят до него?

– Не... Ты же понимаешь? И все остальные меня тоже понимают. Значит, дело в нем.

Возвращаемся к соседям.

– Подари им банку маринованных поганок.

– В рамках закона же...

– Запенить дверь монтажной пеной, да и денег стоит.

– Не совсем законно.

– Последняя идея. У вас окна выходят с ними на одну сторону? Отлично. Берешь швабру и ночью разбиваешь им окно шваброй. Никаких свидетелей, орудие стоит дома и дальше.

– А это мысль! Спасибо.

Звонок на урок возвестил о начале химии, которую обычно называли «хихимия» из-за веселого характера учителя. Лидия любила химию, Катя же предпочитала уроки английского, неплохо ей дававшегося.

Время идти домой настало как всегда слишком рано. Как обычно, они отправились в Тайный Дом, как Лидия называла дом неподалеку от школы, возле которого можно было наблюдать чужие тайны. Кто-то из учеников рвал дневник и жег страницы, одолжив зажигалку у курящих здесь тайком, парочки от шестого по одиннадцатый класс обжимались возле каждого подъезда (в среднем, две штуки на один подъезд), еще кто-то с большой долей вероятности устраивал мордобой с кем-нибудь. В некоей мере это был филиал школы. Сходство усугублялось тем, что ни здесь, ни в школе никто не занимался учебой. Сорок четвертая школа вообще слыла не самой благополучной.

Каждый день Катя и Лидия ходили делать уроки на чердак второго справа подъезда. Там было намного тише и спокойнее, чем дома, да и мебелировка получше. Свет там с боем пробивался через запыленное окошко, пауки повсюду расположили свои аванпосты, обещающие смерть случайной мухе, доски поскрипывали сами собой, даже если никто не наступал на них. На счастье визитеров, на чердаке имелось несколько очень старых стульев, а не картонных коробок, набитых хламом, как дома. Вместо стола на чердаке был лишь верх картонной коробки, который можно было положить на колени.

Лида поставила учебник на подоконник, положила на колени картонку, на нее – тетрадь, и приготовилась вникать в таинства химии. Из-под подкладки в сумке она достала карандаш. Длинный. Новый. Дома такие были под запретом – каждый карандаш Аркадий лично разрубал на три части. Чтобы в пылу ссор никто никого не заколол. Ручки покупались только толстые

– с той же целью. По той же причине в доме не было металлических ножей, вилок, а также бьющейся посуды. Лидия осмотрела карандаш. Деревяшка длиной в 17 сантиметров – символ неповиновения обезумевшим родственникам.

Что ее держало дома? Здравый смысл.

Идти в детдом или обращаться в органы опеки Лидия не могла бы при всем желании: Эльвира и Аркадий старательно кормят детей, иногда даже насильно, дают им карманные деньги, заботятся об их благополучии – даже балкон заколотили, чтобы никто никого не выбросил оттуда, а заодно и сам не выбросился.

* * *

Стас в тот день выбился из колеи обыденности: его позвал домой один из друзей, чтобы рассчитаться по поводу карточных долгов. Стас впервые в жизни увидел нормальную квартиру. Без шести холодильников, с телевизором (Стас таких аппаратов никогда не видел вживую, только на картинках). Но ему не стало завидно. Ведь он как будто попал на экскурсию в другой мир. Есть ли смысл завидовать тому, чего у тебя гарантированно не было и не будет?

* * *

Эльвире пришлось в очередной раз вытерпеть раздражающие вопросы практикантов:

- Вы работаете здесь почти тридцать лет?! И ни разу не хотели уйти?
- Да, я здесь почти тридцать лет. Нет, уходить я не хочу. Меня все устраивает.
- И все время на одной должности?
- Да, все время, – терпеливо отвечала она.

Должность, пусть и невысокая, действительно ее устраивала. Человеком она была тихим, место свое знала и больше всего на свете не хотела высовываться.

Аркадий в бухгалтерии сидел также тихо, как Эльвира на своем заводе, и закончил день вполне стандартно.

Унылые от неотвратимости возвращения домой, представители младшего поколения Смолиных увидели друг друга уже возле подъезда. Диана попыталась мягко отстранить копавшегося в сумке Стаса, с тем, чтобы открыть дверь самой.

– Пошла ты, слышь, а?! – огрызнулся он. За что и получил удар по почкам.

Подошедшая Лидия благоразумно не вмешивалась. Ей хватит и шрама на бицепсе, полученного еще во младенчестве, когда Диана, уставшая от ее воплей, попыталась разрезать ее и посмотреть, что там испортилось. Наконец, Стас нашел ключ и открыл дверь. Сам он проскочил первым и побежал по лестнице. Неужели он так торопился домой?! Ответ оказался много проще: поднявшись на пролет, он швырнул в Диану каким-то учебником. Все равно для иных целей он их не использовал. Старшая сестра пришла в бешенство, догнала брата и приложила его головой о подоконник.

А дома все вновь пошло своим чередом.

Стас как всегда бестолково слонялся по квартире, Диана развешивала по комнате схемы анатомии человека. Лидия, также мечтавшая связать жизнь с медициной, была вынуждена делать вид, будто занята уроками, но находила выход из положения: она вкладывала справочник в какой-нибудь учебник. Со стороны смотрелось так, будто она в поте лица штудировала какой-нибудь школьный предмет, а на деле упивалась симптоматикой сибирской язвы. Раздел токсикологии был уже заучен почти наизусть, особенно ее прельщали отравления тяжелыми металлами.

Бабушка, будучи эталоном бодрости, страшным голосом верещала и требовала найти ключ от третьей комнаты, куда обычно запрещалось ходить. Однако раз в месяц устраивались

«экскурсии» в эту комнату, служившую музеем умершего мужа бабушки. На кровати – его разбросанные вещи, которые никто не трогал с того дня, как он скончался от очередного припадка бешенства (несомненно припадок был вызван неумеренным смотрением в телевизор, но никак не цистернами водки, которые он годами в себя вливал); в шкафах – его одежда, на полу – выпавший из покосившегося шкафа томик воспоминаний маршала Жукова. В этот раз экскурсия предполагалась этим вечером, но ключ от комнаты куда-то задевался. Музей был единственным помещением без смотрового окошка в двери, через которое снаружи можно было увидеть все, что происходит в комнате.

Аркадий вернулся традиционно раньше супруги, взгромоздился на стол, служащий «лежбищем» Лидии по ночам, отвернулся к стене и принялся читать объявления о продаже подержанных автомобилей. Денег на машину и даже на мопед у него не было, но ему нравился сам процесс изучения объявлений.

Лидия уже в сотый раз перечитывала раздел, посвященный обсессивно-компульсивным расстройствам, когда произошло то, что в понятии Смолиных было сравнимо с сигналом немедленной всеобщей эвакуации. Зазвонил телефон.

– Кто возьмет? – взвинченно спросил Стас, резко переставая отжиматься от пола. – Я уже дежурил!

– А кто ближе к выходу? – невинным тоном осведомилась Лида. Диана в ответ насмешливо посмотрела на них и поправила шарфик.

Трубку взял отец, которому явно надоел звон. Судя по всему, кто-то попросту ошибся номером. Вот только самоотверженному отцу семейства сейчас придется несладко. По теории тещи, лежащей здесь мрачным укором, излучение от телефонных разговоров нужно вымывать из организма, выпив сразу после вынужденного разговора не менее литра воды. Пить нужно было при ней или просто при свидетелях, желательно, при нескольких. Потому что семья, как она говорила, базируется на взаимном доверии, которое нужно подтверждать. Поэтому в межкомнатных дверях были прозрачные вставки из небьющегося стекла (Николай Смолин отвалил за них чертову кучу денег), Аркадий и Эльвира спали в проходной комнате под бдительным взором бабки, и по первому же требованию кого угодно из членов семьи другой был обязан вывернуть карманы и поделиться тем, что понравится обыскивающему. Например, Стас всегда мог потребовать этого от Аркадия, равно как и дочери.

– Тебе нужно вымывать излучение! – сказала бабка. – Иначе ты станешь инвалидом, и не сможешь нас кормить. Неси сюда воду.

Аркадий послушно принес литровую банку воды и выпил ее, стоя перед тещей. Не хотел провоцировать очередной скандал. Та внимательно отсмотрела весь процесс.

– Хорошо, – оценила она. – Только не пытайся выблевать воду, как это обычно делает Стас. Я все слышу.

Диана раскрыла дверцу тумбочки, чтобы взять следующий учебник, подвинула стопку книг и обомлела. Кто-то сломал лежавшую в глубине Священную Спичку. Диана близко поднесла к глазам две щепочки – сомнений не было: кто-то просто разломал Спичку!

Все стало необратимым.

Священная Спичка помогала ей держаться на плаву. Когда-то Диана поклялась, что сломает ее, лишь когда все станет действительно невыносимо плохо. Много раз она доставала Спичку и клала обратно – все было не так кромешно плохо. А теперь Спичку – оплот ее независимости – сломали!

Смолины дружно обыскивали вещи друг друга, поэтому Диану не удивило то, что кто-то нашел Спичку. Потрясло то, зачем сломали. Никто же не знал о ее значении для нее. Или все же знал?... Анатомия надолго вылетела у нее из головы.

Эльвира вошла, громыхнув дверь. Как и на приход Аркадия, никто не отреагировал на ее появление. Диана в сотый раз прописывала на листочке латинские названия артерий ради

лучшего запоминания, Стас увлеченно пытался встать на руки и с грохотом валился на пол, Лида пыталась вообразить какое-нибудь новое обсессивно-компульсивное расстройство.

Бабка беспокойно стреляла глазами по сторонам, лежа в позе психованного эмбриона. Никто не давал повода для скандала. Что-то они затеяли, эти бесноватые, вон как затихли... А не придаться ли к поведению дочери?

– Эля, подойди сюда.

Дочь безропотно подошла к матери, стараясь выглядеть максимально святой.

– Что происходит? – спросила мать, теребя хобот противогоза в руках. Ногти были огромными, и она не позволяла их стричь. Равно как и расчесывать себя. И мыть. Гигиену она всегда недолюбливала, считая ее мракобесием.

– Ничего.

– Я же вижу, что вы что-то задумали. Отвечай матери!

– Мы ничего не задумали, – кротко сказала Эльвира.

– Ах ты тварь паскудная! – заорала она и ударила ее палкой. Эльвира и сама прекрасно понимала, что дело шло к избиению, но разве станет она мешать маме? Старуха продолжала избивать ее, но она с места не сдвинулась. Только руками прикрывалась.

– А твои выродки что делают? Почему ты не следишь за этими уродцами? – спросила бабка чуть потише. Но палку она не выпустила из цепких рук с нестриженными грязными когтями (сущие скальпели, а не ногти).

– Они делают уроки.

– Врешь, тварь, – прошипела старуха.

– Они делают уроки.

– А почему они так тихо сидят? Они вообще живы?

– Они делают уроки.

– Ты со своим козлом подбила их добывать ртуть!

На этот раз даже Эльвира отскочила от мощного удара клюкой.

– Они там градусники разбивают и делают склад ртути! – орала бабка. – Они меня травят! Вы все хотите наследство!

Бабка завывала в течение полутора часов. За это время Эльвира ушла на кухню и сварила сосиски, Аркадий с места не стронулся – везде слышимость одинаковая – а вышедший в туалет Стас огреб клюкой по лицу, когда проходил мимо. Было непонятно, что хуже, форма или содержание старухиных воплей. От таких криков в Андах наверняка сходили лавины, и неважно, что источник воплей находился в России.

Старуху пришлось успокаивать. При длительности истерики более полутора часов полагось успокоение. Лида отбирала палку, что было похоже на восточное единоборство, Эльвира и Аркадий переворачивали бабушку на живот, Стас прижимал ее, чтобы не вырывалась, а Диана связывала ей конечности. В этот раз пришлось вдобавок вдавливать бабкину голову в подушку, а то уж больно громко она верещала. Когда она была ходячей, то вырывалась энергичнее. Повезло, что слегла, хотя бы впятером получалось справиться. Назвать ее овощем в полном смысле слова было сложно, ей больше подходила кличка «бешеный огурец». Диане не давала покоя мысль сдать старуху на органы или продать по дешевке при условии самовывоза для тренировки навыка эвтаназии.

После успокоения можно и спокойно поужинать. Эльвира сварила по две сосиски на каждого члена семьи. Ужин был обязательным совместным мероприятием, не менее ужасным, чем завтрак. Принимать пищу полагалось всем вместе, чтобы никто не пытался голодать и уж тем более не заболел анорексией. Поэтому каждый смотрел буквально в рот другому. Поскольку у сосисок был сильный привкус бумаги, аппетит уходил быстро и далеко. Но есть было нужно во избежание конфликтов. Все в этой семье делалось во избежание конфликтов. И ничего не удавалось.

Аркадий вздохнул и погладил себя по сытому животу. Украдкой взглянул на татуировку «Зина» на руке и вновь вздохнул.

После ужина все вернулись к своим обычным занятиям. Эльвира традиционно легла и уснула. Если она не спала, то ела, и наоборот. Иногда мылась, но это было редко. Лиде почему-то тоже очень хотелось спать, и в ее сознании фобии причудливо переплетались с фебрильной шизофренией. Интересный гибрид получился. Стас вяло изображал, будто делает уроки – он их «делал» всегда вечером, при свидетелях. Чтобы потом никто не смог обвинить его, будто он ничего не учил. Учил, вы же видели! А то, что тупой, так все из-за ртути! Бабуля подтвердит, а в доказательство шарахнет кого-нибудь, кто сомневается. Из аргументов лучше всего тот, что приведет к увечьям.

Ровно в десять вечера начиналась подготовка ко сну. Семья должна была дружно лечь спать в 22:22. Якобы магия чисел должна сделать сон здоровым. Если кто-то не успевал лечь в назначенный срок, то утром получал штрафной бутерброд. Диана судорожно мыла посуду, Стас застилал всем постели, развязанная бабушка пыталась попасть костылем ему в глаз, но он прибегнул к испытанному средству: сунул Лидии в руки свою недельную заначку, чтобы она отвлекала удары на себя.

Эльвира сидела на диване и смотрела в стену, с которой уже лет десять как отпадали грязные обои, когда-то наклеенные в складочку и криво, – это было также интересно, как смотреть на происходящее вокруг. Аркадий громовым голосом предупреждал всех о сегодняшнем ночном сверлении.

Будущему убийце все это надоело не просто до смерти, а до смерти агрессора. Было бы странно, если бы не надоело. Придется совершить убийство, чтобы добавить радости в жизнь. Убийце даже не пришлось готовиться вступить в столь важный этап жизни, чего там готовиться, когда нервная система давно в руинах.

Семейство легло в 22.21, и Эльвира торжественно погасила свет. Чтобы уснуть, полагалось лечь на спину, положить руки поверх одеяла и закатить глаза – якобы тогда и минуты не проходит, как человек засыпает. Диана нашла свой способ протеста против общей ненормальности: она не закатывала глаза. Честно говоря, остальные делали также.

В эту ночь должна была дежурить бабка. В эту ночь все стало необратимым еще раз.

Все спали, лишь посреди ночи Аркадий слышал какую-то приглушенную возню, но значения не придавал, уж больно спать хотелось.

А вот утром можно было бы смело ломать Священную Спичку. Жизнь перешла на еще более паршивый уровень. В одной из комнат расцвела преступность. Бабка была мертва. Убита. И это было ясно даже Эльвире. Когда все наперекосяк, жизнь становится динамичнее и интереснее, вот сейчас как раз настал такой момент.

Строго говоря, привыкшие к рутине Смолины просыпались вовремя и без воплей дежурного. В этот раз первой проснулась Эльвира, удивилась, почему дежурный не выполняет своих прямых обязанностей, подошла к своей матери, чтобы спровоцировать скандал, и... заорала во всю мощь немалых легких. Спавший до того личный состав семейства подскочил так, будто прозвучал сигнал немедленной эвакуации.

– Что такое? – вскинулся Аркадий.

– Господи... – только и могла вымолвить Эльвира. Бога здесь отродясь не бывало, да и дьявол побоялся бы сунуться.

– Да что случилось-то? – не выдержала Лидия, подходя поближе и включая свет. – Ого...

Бабка лежала мертвая, с торчащим из шеи шприцом. В верх дверного косяка была воткнута металлическая вилка. А на лбу убитой поверх противогаса лежал острый осколок зеркала. Странно, обычно все самое паршивое случалось по четвергам, сегодня произошло какое-то нарушение мироздания. В четверг могло произойти что угодно, но произошло сегодня, во вторник. Это ж какой тогда будет четверг? Интересная неделька намечалась.

– Все, с концами? – осведомился Стас. – То есть можно не завтракать и в школу не идти? – в голосе его проскочила еле сдерживаемая радость. – Всегда бы так... А в виде трупа ей лучше.

– Ты тоже в дохлом виде был бы куда лучше, чем живой, – сказала Лидия.

– Меня больше интересует, откуда взялась вилка, не говоря уж о зеркале, – сухо заявил Аркадий. – А теперь еще и график сбился... – удрученно заключил он.

– Как она так умудрилась в себя шприц воткнуть? – подала голос Лида. – И откуда его взяла, если не могла ходить?

– Это не она. Это в нее воткнули, – отозвался Аркадий. – Она бы не дотянулась почти до верха дверного проема, чтобы воткнуть вилку. Получается, это сделал кто-то из нас, потому что дверь заперта на засов, а на окнах решетки. Тем более она не ходила и взять шприц ей негде.

Хоть Смолины и жили на четвертом этаже, но на окнах были приваренные намертво решетки. Чтобы никто не влез и никто не выбросился из окна. Второе было куда важнее. Если бы кто-то вылетел из окна, как бы они сохранили видимость нормальной семьи? Что сказали бы люди?

– Слышите, что теперь делать? – спросил Стас, все еще не в состоянии унять радость.

– Вызывать «Скорую», – сдавленно произнесла Эльвира. – А пока выдернуть вилку, шприц, убрать зеркало...

– Зачем? – скептически буркнул Аркадий. – Если кого-то из этих спиногрызов посадят, будет легче жить.

– А если это не они, а ты? – спросила его Эльвира.

– Кажись, аваруха! – шепнул Стас все еще вне себя от привалившего счастья.

– Хрычовка сдохла, а ты смеешь радоваться?! – рявкнула на него Эльвира. – Постыдился бы, она все же родная! Она тебя даже в тюрьму не упекла за ртуть в супе, а ты ее ненавидишь! Лучше бы ты сдох вместо нее!

«Сколько раз повторять, что металлическая ртуть при приеме внутрь безвредна?» – мысленно простонала Диана. Блеск вилки был тусклым, мол, еще долго повторять. Диана еле заметно вздохнула.

– Вопрос остается: что делать дальше? – напомнила Лида. – Сообщать ли в полицию, что это убийство?

– Нет. Сами разберемся и найдем того, кто это сделал, – категорично заявила Эльвира, верная своему синдрому заложника.

– Найдем, и что сделаем? – уточнила Лидия.

– Посмотрим. Для начала надо найти убийцу.

Никто не задался вслух вопросом, на кой черт разыскивать благодетеля. С другой стороны, надо же знать, перед кем пресмыкаться впоследствии за такой героизм.

Уборкой вещдоков занялась Диана как студентка медучилища, то есть как самый привычный к трупам человек. Она спрятала их в отдельный пакетик, а его положила в шкаф, где хранились сапоги. Остальные участники балагана под названием «Семья Смолиных» слонялись где попало и в большинстве своем мысленно порхали от счастья, что диктатор умер и что не надо завтракать. Все сделали похоронный вид непонятно ради кого или чего. Наверное, отдавали дань приличиям, забыв о том, что горе и сожаление надо показывать перед теми, кто приедет регистрировать умершую. Впрочем, изовравшиеся люди обладают прекрасными актерскими данными и врут даже тогда, когда это не требуется. Исключительно ради поддержания квалификации, ну и немного ради удовольствия.

– Убрала? – спросила Лида. Сестра кивнула.

– Как же здорово, что теперь не надо пить литр воды после разговоров по телефону... – мечтательно протянул Стас.

– Я вызову кого надо, – направилась к телефону Эльвира. Тем самым она получила привилегию первой опробовать разговоры без вымывания излучения. Исторический момент или что-то вроде того.

Она разыграла первоклассную истерику, разговаривая с диспетчером «Скорой», сохраняя абсолютно каменное лицо. Своим отсутствием мимики она гордилась не меньше, чем бабка тем фактом, что ни разу в жизни не шутила.

– Сейчас приедут.

До приезда врачей, уже бесполезных для покойной, Диана начала разбираться в шкафу с сапогами и складывать отдельные экземпляры в мусорные пакеты. По квартире распространилась вонь. Лида спешно прятала справочник, чтоб никто не увидел, что она его читает. Стас взволнованно рассматривал труп и отскребал грязным пальцем кровь с укольной точки на шее умершей. Эльвира вяло расчесывалась; Аркадий переделывал график ночных дежурств подобно одержимому диспетчеру.

– Встретьте кто-нибудь врачей! – крикнула Эльвира. – Лида, тебе делать нечего, сходи.

На холодном воздухе осеннего мрачного утра было даже легче. Не было запаха, свойственного лежачим больным и который пропитал всю квартиру особо сильно, ибо бабка лежала в проходной комнате. Не было видно отпадающих обоев с узоров во что-то непонятное. Не было ненормальных вокруг, и это главное. То, что было, это «звук» тихо падающих редких снежинок. Даже проезжающих машин не было.

Лида сняла очки и с сожалением подумала, что сегодня не удастся посидеть с Катей на чердаке. Затем ее огорошила мысль о том, что, возможно, больше не придется ходить на чердак.

Это стоило убийства. А еще Лидия сможет наконец-то надеть припрятанный в Тайном Доме черный пиджак в горошек, который она собиралась носить только после того, как жизнь изменится к лучшему. Удивительное дело, оптимизм оправдался, этот день нужно отмечать каждый год. Не в каждой жизни такое происходит. Не сказать, что этот пиджак превращал ее в секс-символ, но он определенно был ей к лицу.

* * *

Эльвира сделала верный вывод, что умирающие неходячие пенсионеры не вызывают никакого интереса у служб, регистрирующих покойников. Совершеннейшая рутина.

Никто ничего не заподозрил. Пожалуй, стоит вынести благодарность Стасу за то, что качественно стер след от укола на бабкиной шее. Пусть не завтракает пару дней.

Сотрудники «Скорой» были изрядно удивлены тем, что Зло спало на чемоданах и в противогазе, но списали это на маразм. Обстановку квартиры тоже списали на маразм. Когда врачи хотели записать имя умершей, его даже не сразу вспомнили – настолько привыкли звать ее Злом. Вера Антоновна, как выяснилось.

Похороны прошли довольно скучно. Отплясывать было бы странно, вызвало бы косые взгляды от соседних похорон. Всем не терпелось уйти с промозглого продуваемого всеми ветрами кладбища. Никто из знакомых не пришел на церемонию закапывания Зла – оно и понятно, ведь умершая обладала необычайно склочным характером. Странно, что нашлись люди, согласные нести ее гроб хотя бы за деньги.

Из числа родственников приехала только ее сестра из Брянска, до самого конца оставшаяся в полном неведении относительно причин смерти Зла. И по ней сразу было видно: младшая сестра Зла. К счастью, приехала она всего на сутки. Но и этого хватило с верхом. Для начала она заявила, что нужно сохранить весь хлам хотя бы в знак памяти. На предложение Стаса забрать его себе, она ответила решительным отказом. Однако ее черствое сердце не устояло перед сломанной грязной заплесневелой маслобойкой семидесятых годов.

Гостя не упустила случая дать десяток советов как воспитывать детей, а также проехаться по каждому. Эльвиру она спросила, как поживают ее пролежни с ее последнего отпуска (в отпуске у нее всегда были пролежни, однажды началась даже застойная пневмония). Аркадию она задала вопрос о том, не собирается ли он начать работать, а то уж больно вид у него придурковатый и ленивый.

У Дианы она потребовала диагностировать на глазок все ее болезни и дать рекомендации, как их лечить. Но она не изменила привычке молчать, и двоюродной бабушке пришлось остаться ни с чем, несмотря на сорок минут нытья и преследований Дианы.

Стаса она долго пыталась, какую профессию он выберет себе, и так не удовлетворилась стандартными отговорками, что он хочет быть менеджером, что бы это ни значило. По ее мнению, лучшей профессией для него стала бы профессия комбайнера или тракториста.

Добравшись до Лиды в последнюю очередь, потому как она усердно делала вид, будто готовится к урокам, гостя для начала пожалела ее, что родилась она нежеланным ребенком. Не добившись реакции, она принялась сокрушаться по поводу того, какая Лидия худая.

– А вы наоборот, – парировала Лидия, которой изрядно надоели бонусные издевательства.

– Ну ничего, зато в очках выглядишь умной.

– Вас даже очки не спасут, – сухо сказала Лидия. Родственница неожиданно отстала. Лида обрадовалась: людское самолюбие способно творить чудеса, если на него правильно нажать.

Провожать сестру Зла выпало Аркадию и Стасу. Первый тащил ее сумку, с которой та приехала, второй волок маслобойку в пакете, втихая хихикая над тем, как удивится муж незваной гостыи, увидев этот музейный агрегат.

Усадив сестру покойницы в поезд (как ни странно, в нужный, хотя оба испытывали желание либо положить ее на рельсы, либо отправить куда-нибудь подальше, желательно в другую страну), Аркадий с сыном отправились домой. Шли они по разным сторонам тротуара. Разговаривать им было не о чем, а совместное перемещение в пространстве подразумевало разговоры, поэтому хождение по разные стороны дороги устроило обоих.

Дома они застали картину, которая удивила даже их, ко всему привычных.

Эльвира орала на дочерей, утверждая, что обязана сохранить десятилетиями копившийся хлам ради памяти матери. Раз уж та при жизни не получала достаточно уважения, значит, должна получить хоть какие-то знаки почтения после смерти. Лидия остервенело доказывала, что в могиле бабке уже все равно, что она получила, а что нет. Эльвира же утверждала, что, раз они привыкли спать на холодильниках и шкафах, то могут делать это и дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.